«ОБРАЗОВАНИЕ ВТОРОГО ШАНСА» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ КАК МЕХАНИЗМ НАКОПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА¹

DOI: 10.19181/obrnaukr.2019.11

Аннотация. В ходе анализа статистических материалов о демографической ситуации в стране, экспертных аналитических отчётов по образованию и состоянию рынка труда, динамики охвата профессиональным образованием и участия населения в непрерывном образовании, рассмотрения альтернативных образовательных траекторий, динамики отсева по программам профессионального образования рассматриваются контекст и существующие проблемы наращивания и эффективного использования человеческого капитала в нашей стране. До недавнего времени образовательная траектория «среднее общее образование плюс программа высшего образования» в представлениях населения и работодателей воспринималась как массовая, в той или иной степени гарантирующая успешное трудоустройство. Альтернативные массовым образовательные траектории «основное общее образование плюс среднее профессиональное образование» детерминировались социокультурным и экономическим капиталом семьи. Не только анализ показателя охвата программами профессионального образования, но и динамика приёма по ним дают основания заключить, что представления о массовости и альтернативности образовательных траекторий претерпели изменения. Анализ динамики отсева по программам профессионального образования показывает, что, если в начале 2000-х доля выбывших из системы профессионального образования составляла пятую часть, в последние годы она равняется четвертой части. Данное обстоятельство не может не сказываться на эффективности накопления и дальнейшего использования человеческого капитала, особенно в условиях сокращения трудоспособного населения. С учётом существующего сегодня контекста образовательной реальности, возникновения новых форм неравенства в образовании предлагается рассматривать концепцию «образование второго шанса» как наиболее реактивный механизм накопления человеческого капитала.

Ключевые слова: образование, рынок труда, человеческий капитал, непрерывное образование, образование взрослых, образование второго шанса.

¹ Попова Екатерина Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. E-mail: espopova@isras.ru (*Ekaterina S. Popova*, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher Fellow, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Moscow, Russia. E-mail: espopova@isras.ru)

Ekaterina S. Popova

“SECOND CHANCE EDUCATION” AND ALTERNATIVE TRAJECTORIES AS A MECHANISM FOR ACCUMULATION OF HUMAN CAPITAL

Abstract. Based on the analysis of statistical materials on the demographic situation in the Russian Federation, expert analytical reports on education and the state of the labour market, the dynamics of vocational education and population participation in lifelong education the dynamics of dropout rates for professional education and alternative educational trajectories were studied in the article in the context and existing problems of building up and effective use of human capital in our country. Until recently, the educational trajectory of “secondary general education plus a higher education program” in the ideas of the population and employers was perceived as massive, guaranteeing successful employment to one degree or another. Alternative mass educational trajectories “basic general education plus secondary vocational education” were determined by the socio-cultural and economic capital of the family. Not only the analysis of the indicator of coverage by vocational education programs, but also the dynamics of admission for them give grounds to conclude that ideas about the mass character and alternative educational paths have undergone changes. Analysis of dropout dynamics for vocational education programs shows that if in the early 2000s the proportion of those who dropped out of the vocational education system was one fifth, in recent years it has been equal to one fourth. This circumstance cannot but affect the efficiency of accumulation and further use of human capital, especially in conditions of a reduction in the working-age population. It is proposed to consider the concept of “second chance education” as the most reactive mechanism for the accumulation of human capital in the circumstances of the current state of educational reality and new forms of inequality in education.

Keywords: education, labor market, human capital, lifelong learning, adult education, second chance education.

К вопросу о человеческом капитале

Развитие сферы образования и создание дополнительных образовательных возможностей для всех групп населения все чаще рассматривается как необходимое условие и важная предпосылка качественного развития экономики. Именно этим обстоятельством обосновывается увеличение как государственных, так и частных инвестиций в образование, поскольку человеческий капитал в современной экономике играет все большую роль.

Современное состояние характеризуется многими противоречивыми и взаимосвязанными процессами (некоторые

из которых носят глобальный характер, но при этом обладают локальной спецификой), и которые в свою очередь влияют на образование, рынок труда и социальное поведение населения. Не останавливаясь на описании данных явлений², обратим внимание на демографические статистические факты и статистику образования, которые прямо или опосредованно определяют приращение и эффективность использования человеческого капитала в нашей стране.

Демографические процессы

В аналитических докладах подчёркивается, что возможности роста населения России в ближайшие десятилетия весьма ограничены [Экспертно-аналитический доклад..., 2017; Шереги Ф.Э. и др., 2015]. Основной контингент трудоспособного населения – численность населения в возрасте 20–64 лет – после 2012 г. сокращается, и к началу 2030-х гг. это сокращение составит 10–12 млн человек. При этом доля младшей возрастной группы (20–39 лет) по отношению ко всему этому контингенту к 2032 г. снизится с 48 до 37% [Гимпельсон В.Е. и др.: 58–59]. «Согласно демографическим прогнозам, в следующие 15 лет нас ждёт общее сокращение численности занятых, которое в основном произойдёт за счёт работников в возрасте моложе 35 лет. Существенное увеличение уровня занятости, даже при повышении пенсионного возраста, вряд ли возможно. <...> Становится более актуальной проблема поддержания уровня человеческого капитала у работников в старших возрастах: существующие уровни участия в переобучении не способны поддерживать производительность труда по мере старения» [Гимпельсон В.Е. и др.: 39].

Старение населения характерно для многих стран, переживающих демографический переход. В этом смысле Россия не исключение. Демографическое старение представляет собой серьёзный вызов ещё и по той причине, что настройка большинства социальных институтов – образование в их числе – сформировалась в условиях прежней возрастной структуры и экономического уклада. Сегодня назрела необходимость своего рода перенастройки социальных институтов не

² Подробнее см., напр., [Гимпельсон, 2016; Дежина, Ключарев, 2018; Константиновский, 2018].

только с учётом новых демографических реальностей, но и с поправкой на происходящие социальные и экономические изменения, экспоненциальные темпы технологического развития. По ряду причин наше образование не готово к реактивным переменам³, а молодёжь с возрастающей вероятностью будет сталкиваться с ситуацией прекарной занятости.

Охват профессиональным образованием в динамике

По индексу человеческого развития Россия входит в группу стран с высоким уровнем человеческого капитала – 49-е место среди 188 стран в 2015 г. [Клячко, Синельников-Мурылёв, 2018: 16]. По данным доклада Global Human Capital за 2017 г. Россия занимает 4-е место в мире с точки зрения объёма человеческого капитала⁴, но лишь 42-е место по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности [Экспертный доклад «12 решений...», 2018: 10].

Сопоставляя охват различными уровнями образования населения по соответствующим возрастным группам в России и странах ОЭСР, видим, что в возрастной группе от 5 до 14 лет, что соответствует периоду обучения в начальном и основном общем образовании, показатель для России высок – 97,6%; в старших возрастных группах, примерно соответствующих периоду получения профессионального образования, этот показатель несколько и существенно ниже: 87,4% для 15–19 лет, 35,4% для возрастной группы 20–24 года (26 место среди стран ОЭСР), 6,7% для населения в возрасте 25–29 лет (33 место среди стран ОЭСР) [Индикаторы образования, 2018: 365].

Приводимое выше распределение подтверждается при анализе динамики охвата⁵ программами профессионального образования и участия населения в непрерывном образовании – показатели охвата не превышают 35% (рис. 1).

³ Подробнее см., напр., [Экспертный доклад «12 решений...», 2018].

⁴ Измеряется в основном через показатели охвата населения разными уровнями формального образования.

⁵ Под охватом понимается отношение численности обучающихся по образовательным программам к численности населения в соответствующей возрастной группе [Индикаторы образования, 2018: 160].

Рисунок 1

Динамика охвата программами профессионального образования и участия населения в непрерывном образовании.
 Построено по [Индикаторы образования, 2018: 44, 128, 133, 144]

Примечание: для показателя охвата программами среднего профессионального образования по подготовке квалифицированных рабочих, служащих (ППКРС) при расчётах используется численность населения в возрасте 15–17 лет, программами подготовки специалистов среднего звена (ППССЗ) – 15–19 лет, программами высшего образования (включая бакалавриат, специалитет и магистратуру) – 17–25 лет, при участии населения в непрерывном образовании – 26–64 года.

Альтернативные образовательные траектории

До недавнего времени образовательная траектория «среднее общее образование *плюс* программа высшего образования» в представлениях населения и работодателей воспринималась как массовая, в той или иной степени гарантирующая успешное трудоустройство. Альтернативные массовым образовательные траектории «основное общее образование *плюс* среднее профессиональное образование» детерминировались социокультурным и экономическим капиталом семьи. Не только анализ показателя охвата программами

профессионального образования, но и динамика приёма по ним (рис. 2) дают основания заключить, что представления о массовости и альтернативности образовательных траекторий претерпели изменения.

Рисунок 2

Приём студентов на обучение по образовательным программам профессионального образования в динамике лет (тыс. чел.).

Построено по [Индикаторы образования, 2013: 119, 125, 131, 139; 11: 123, 129, 137, 149, 150;

Индикаторы образования, 2018: 142, 145, 154, 168]

Накопление человеческого капитала, оцениваемое через показатели охвата и приёма на программы профессионального образования, само по себе ещё не обеспечивает успешного развития общества. Данные показатели удобны для внутристрановых и межстрановых сопоставлений образовательной реальности, но мало информативны при анализе эффективности накопления человеческого капитала. За скобками остаются вопросы доступа к образованию или доступа к качественному образованию [Константиновский Д.Л. и др., 2006; Константиновский Д.Л. и др., 2008], неравенство шансов и высота барьеров (социокультурного, территориального, экономического, институционального

и пр.) получения образования различными группами населения [Константиновский Д.Л., 2008: 287–309]; наконец, отсеб студентов в период получения профессионального образования так же служит показателем эффективности накопления человеческого капитала.

Отсев в профессиональном образовании

Официальной статистики по отсебу в образовании немного, она не носит исчерпывающего характера⁶. В 19 странах ОЭСР, по которым имеются сопоставимые данные, в среднем 31% студентов бросают учёбу в системе третичного образования⁷. Показатели отсева варьируются от более 40% в Венгрии, Новой Зеландии и США до менее 24% в Бельгии, Дании, Франции, Германии и Японии [Education at a glance, 2009: 24]. Если рассматривать отсеб по программам высшего образования, по оценкам ОЭСР, отчисленные студенты в РФ составляют 21% совокупной численности обучающихся в вузах [Education at a Glance, 2010]. Данные о досрочном выбытии из вузов по когортам студентов, поступивших в университет в определенном году, не представлены [Груздев И.А. и др., 2013: 70]. Отсев по программам среднего профессионального образования превышает 30% [Клячко, Синельников-Мурылёв, 2018: 26].

На основании анализа коэффициента отсева по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, который измеряется отношением численности выпускников, завершивших обучение по образовательным программам определенного уровня в отчётном

⁶ Зачастую в показателях отсева учитываются не только те, кто не успешен в образовательной деятельности, но и те, кто отчислился по собственному желанию в связи с разочарованием, возможными иными причинами и пр. Под неуспехом в этом контексте понимается не завершение выбранной изначально образовательной траектории.

⁷ В соответствии с Международной стандартной классификацией образования в РФ под третичным образованием подразумеваются программы среднего профессионального образования по подготовке специалистов среднего звена (включая программы на базе основного общего образования) и программы высшего образования – бакалавриата, специалитета, магистратуры.

году t , к численности принятых на обучение в году $t-p$, где p – теоретическая продолжительность обучения, рассчитан показатель отсева⁸ в РФ в динамике лет по программам профессионального образования. Как видно на диаграмме (рис. 3), в 2016 г. из системы среднего профессионального образования выбыло 25,2% учащихся по программам квалифицированных рабочих, служащих и 26,1% по программам подготовки специалистов среднего звена, 24,4% по программам высшего образования в 2014 г.⁹ Анализ в динамике показывает, что, если в начале 2000-х доля выбывших из системы профессионального образования составляла пятую часть, в последние годы она равняется четвертой части.

Рисунок 3

Динамика отсева по программам профессионального образования.

Построено по [Индикаторы образования, 2018: 148, 157, 174]

⁸ Методика расчёта: $100\% - \text{коэффициент отсева} = \% \text{ отсева}$.

⁹ В связи с массовым распространением начиная с 2011 г. программ бакалавриата и многократным сокращением приёма по программам специалитета корректный расчёт коэффициента отсева для программ высшего образования, реализованных в 2015–2016 гг., не представляется возможным [Индикаторы образования, 2018: С. 194].

Данное обстоятельство не может не сказываться на эффективности накопления и дальнейшего использования человеческого капитала, особенно в условиях сокращения трудоспособного населения. По прогнозам ЦСР и НИУ ВШЭ сокращение составит до 9% уже к 2025 г. [Экспертный доклад «12 решений...», 2018: 20], а потому ценность каждого человека, инвестиций в его человеческий капитал возрастает в разы. При этом особенно острой становится задача преодоления учебной неуспешности, так как с высокой вероятностью неуспешные в образовании молодые люди не компенсируют эти дефициты на следующих уровнях образования, а впоследствии оказываются не востребованы на рынке труда и не могут работать с достаточной производительностью [Munns, McFadden, 2000: 73].

Произошедшие изменения в образовательных траекториях молодёжи, увеличение охвата и приёма на программы среднего профессионального образования по подготовке специалистов среднего звена и сокращение по программам высшего образования актуализирует целый ряд вопросов к эффективности накопления человеческого капитала, а что важнее к его качеству.

Отмечаемая в прошлом экспансия высшего профессионального образования привела, с одной стороны, к увеличению спроса на квалификации и дипломы на рынке труда, тем самым превратив профессиональное образование в большинстве стран в единственный селекционный механизм трудовых ресурсов, с другой стороны, оставила немалую долю молодых вне системы высшего профессионального образования, что привело к недоиспользованию человеческого капитала. Сложившаяся сегодня ситуация в охвате молодёжи профессиональным образованием позволяет предположить, что высота институционального барьера в образовании возросла, влияние экономического и территориального барьеров в доступе к образованию усугубилось. По мнению экспертов, в российском образовании не решена проблема фактического неравенства образовательных возможностей, а уровень образовательной неуспешности хотя и ниже, чем во многих странах ОЭСР, по-прежнему остаётся недопустимо высоким [Экспертный доклад «12 решений...», 2018: 39]. При этом на условно «традиционную» ситуацию неравенства в образовании накладываются иные формы не-

равенства (например, онтологическое неравенство: неравенство мотивации, информационное и цифровое неравенство) в условиях стремительного изменения контекста образования и рынка труда.

Непрерывное образование и «образование второго шанса»

На современном этапе развития социологии образования и при вариативности горизонта образовательных усилий населения отчётливо сформировались несколько концептов, приоритетных в анализе наращивания человеческого капитала и редуцирования неравенства в образовании: непрерывное образование, образование взрослых и образование второго шанса. Данные концепты в исследовательской традиции приобрели ряд индикаторов, которые в той или степени позволяют оценить открытость, гибкость образования как социального института.

Наиболее значимый концепт современного образования – непрерывное образование или «обучение на протяжении всей жизни», которое популяризовалось ЮНЕСКО с 1970-х гг. как представление об обучении взрослых в качестве неотъемлемой части жизненного опыта, пронизывающей все её этапы и сферы. В широком смысле непрерывное образование трактуется как процесс, который длится всю жизнь каждого человека; приводит к систематическому приобретению, обновлению знаний, навыков и умений, так как это является необходимым ответом на постоянно меняющиеся условия современной жизни; конечной целью которого становится самореализация каждого человека; при этом процесс зависит от способностей людей и их мотивации заниматься самостоятельной учебной деятельностью [Knapper, Cropley, 1991].

В отечественной традиции непрерывное образование охватывает все целенаправленные виды образовательной деятельности – формальные, неформальные, информальные, осуществляемые на непрерывной основе с целью совершенствования знаний, умений и навыков [Индикаторы образования, 2018: 51; 20]. Непрерывное образование способствует актуализации квалификации работников под новые

условия экономической деятельности, в том числе и смену профессии, тем самым решая задачи профессиональной сферы; в социальной – решает проблемы личностного роста, удовлетворения потребностей в самореализации [Клячко, Синельников-Мурылёв, 2018: 12]. В развитых странах охват непрерывным профессиональным образованием достигает 40–50% работающего населения и постоянно растёт; как было показано ранее, по результатам статистических наблюдений охват непрерывным образованием в РФ не превышает 30%.

Своеобразная ирония заключается в том, что те, кто больше всего участвует в непрерывном образовании – это те, кто в каком-то смысле нуждается в этом меньше всего – состоявшиеся профессионалы, обладающие экономическим и мотивационным ресурсами [Rinne, Kivinen, 1993: 117]. Таким образом, данный концепт высокоэффективен при анализе наращивания человеческого капитала и в меньшей степени информативен при изучении сокращения неравенства образовательной реальности.

Под образованием взрослых понимается такая система обучения, когда «целевой аудиторией являются взрослые трудящиеся, которые в силу своих трудовых обязанностей не могут выделить на образование полноценную трудовую неделю. Тем не менее дальнейшая социальная мобильность для них связана именно с расширением знаний в сфере их деятельности и/или других сферах» [Латова, Латов, 2010: 64]. Данный концепт более широк по объекту и предмету своего изучения, а набор индикаторов определяется частной исследовательской оптикой. Образование взрослых зачастую формально описывается как «образование второго шанса», предлагающее взрослым возможность повторно получить доступ к образованию или переобучиться новым образовательным навыкам и знаниям [Grummell, 2007: 183].

«Образование второго шанса» является основополагающим для обществ, которые подчёркивают ценность равных возможностей и свободы выбора, что вытекает из убеждения, что каждый человек имеет право на попытку успеха и социальной мобильности, право на повторную попытку, и что неудачи не должны рассматриваться как окончательные. Идея второго шанса также имеет деятельностное измерение, которое предполагает, что люди должны рассматри-

вать выбор образовательной и профессиональной траектории как динамичный вариант жизненного пути.

Актуализация концепта «образование второго шанса» («second chance education») тесно связана с мировой экспансией профессионального образования, явно обозначившейся в период с 1950-х гг. Сегодня на уровне государственных программ термин «образование второго шанса» широко используется в Германии, Израиле, США, Австралии; в Англии распространено использование «дальнейшее образование»; в странах латинской Америки программы открывающие возможности образования второго шанса попадают под более широкие категории неформального или непрерывного образования. В исследованиях образования второго шанса проводится различие между образовательными системами, которые следуют за функциональной логикой образования как селекционного механизма и теми, кто бросает им вызов [Ayalon, Shapira, Shavit, 1992: 498]. По-прежнему продолжается широкое обсуждение политиков, практиков и исследователей образовательной реальности должны ли программы «образования второго шанса» регулироваться на государственном уровне в рамках формальной системы образования.

«Начав трудовую деятельность, малоквалифицированные работники сталкиваются с жёсткой конкуренцией на рынке труда, с возможностью продвинуться вперёд только при наличии определенных знаний и умений. Неопределённость положения, отсутствие каких-либо гарантий заставляет их задуматься об упущенных возможностях и серьёзно отнестись к тому, чтобы возобновить образование. Именно для такой круговой траектории образования в зарубежной теории и практике ввели понятие «второй шанс». Это понятие отражает возможность вторично получить образование теми, кто потенциально мог, но по разным причинам (в том числе связанным с социальным неравенством) не получил образование вовремя. Согласно некоторым исследованиям, возможности «второго шанса» пока даже в самых высокоразвитых странах являются скорее потенциальными, чем реальными. Многие аспекты неравенства остаются и даже становятся более ощутимыми» [Латова, Латов, 2010: 71–72].

Несмотря на возросший исследовательский интерес к этим программам в 1990-е по-прежнему не выработано си-

стематического анализа на всех ступенях глобального значения для системы накопления и использования человеческого капитала. Более того, концепция «образование второго шанса» была вытеснена подходом альтернативных массовым образовательных траекторий. Изучение возможностей и механизмов образовательной системы по предоставлению образования второго шанса и альтернативных траекторий по-прежнему обладает сильным объяснительным потенциалом при анализе открытости, гибкости, равенства в образовании, при этом имеет кумулятивный эффект в накоплении человеческого капитала и ориентированы на сглаживание неравенства.

К выводам

Как было показано в первой части статьи, экономические и социальные сложности, которые создаёт старение рабочей силы, многочисленны, а убедительного практического опыта их успешного разрешения пока не видно [Гимпельсон В.Е. и др., 2017: 39].

Образование второго шанса, актуальные краткосрочные программы могут выступить в качестве мер экстренного реагирования. «Изменение экономических институтов – процесс длительный, он не сводится только к политическим действиям и изменению формальных норм. Как показывает мировой опыт, временной разрыв между перестройкой поведения большинства экономических агентов и институтов и получением соответствующих позитивных эффектов составляет порядка 10 лет» [Экспертный доклад «12 решений...», 2018: 11].

Образование второго шанса не только даст ранее обездоленным учащимся новые навыки и способности, но и повысит их самооценку и чувство собственного достоинства [McFadden, 1996: 88]. Однако идея «образования второго шанса» не получает широкого распространения ни на уровне государственных программ, ни в исследовательской практике. Одна из возможных причин сохранение эгалитарной идеологии и воспроизводства социального неравенства в образовании [Ayalon, Shapira, Shavit, 1992: 497]. Подчеркнём, что для России характерно не только сохранение тра-

диционного неравенства, но и вслед за экспоненциальными темпами технологического развития и цифровизации образовательных систем, при расширении поля возможностей неформального образования, возникает онтологическое неравенство – неравенство мотивации, информационное и цифровое неравенство. Актуальность подхода «образования второго шанса» связана с преодолением как традиционных, так и новых форм неравенства.

Формирование и использование человеческого капитала становятся доминирующим фактором национального развития, они обуславливают возможности адекватно отвечать на изменения внешней среды и успешно конкурировать на международном уровне. Это определяет новый вызов, на который должна ответить социология, её ответственность перед обществом; требует специального исследования, направленного на уяснение нынешнего состояния и перспектив развития человеческого капитала нашей страны. В современной мировой социологии интенсивно развиваются исследования человеческого капитала в связи с проблематикой национального развития. Однако зарубежные исследования не охватывают проблем, связанных с российской спецификой. Нет специальных отечественных исследований, посвящённых комплексному изучению формирования и использования человеческого капитала. Особое место в структуре человеческого капитала занимают уровень квалификации работников, образование населения. Для успешного формирования и использования человеческого капитала существенное значение имеют функционирование системы образования, разнообразие форм повышения квалификации, дополнительного обучения и непрерывного образования, соотношение традиционных и новых форм обретения знаний, распространённость в этой сфере информационных и интеллектуальных технологий, выравнивание возможностей разных групп населения получить доступ к образовательным программам. Именно такие параметры в современную эпоху придают обществу способность адекватно отвечать на вызовы и изменения внешней среды и успешно конкурировать на международном уровне, а личности – возможность расширять перспективы выбора, рационализировать социальное поведение, реализовать себя. Это обуславливает обращение прежде всего к данным, связанным со сферой образования.

Источники и литература

1. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капельюшников Р. И., Лукьянова А. Л., Ощепков А. Ю., Рошин С. Ю., Смирных Л. И., Травкин П. В., Шарунина А. В. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под общ. ред.: В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капельюшников, С. Ю. Рошин. М.: Центр стратегических разработок, 2017.
2. Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016 № 10. С. 129–143. DOI: [10.32609/0042-8736-2016-10-129-143](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143)
3. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в современном контексте: монография / М. К. Горшков, Г. А. Ключарев. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. – 224 с.
4. Груздев И. А., Горбунова Е. В., Фрумин И. Д. Студенческий отсев в российских вузах: к постановке проблемы // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 67–81.
5. Дежина И. Г., Ключарев Г. А. Российское образование для инновационной экономики: «болевы́е точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48. DOI: [10.31857/S013216250001957-5](https://doi.org/10.31857/S013216250001957-5)
6. Индикаторы образования: 2013: статистический сборник. М.: НИУ «ВШЭ», 2013.
7. Индикаторы образования: 2017: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017.
8. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018.
9. Клячко Т. Л., Синельников-Мурылёв С. Г. Стратегия для России: образование / Т. Л. Клячко, С. Г. Синельников-Мурылёв. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 118 с.
10. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рошина Я. М. Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. М.: Логос, 2006. – 208 с.
11. Константиновский Д. Л. Интеллектуальный потенциал и инновационное развитие // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Том. 6. № 3. С. 43–61. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsr.2018.6.3.6002>
12. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х) - М.: ЦСП, 2008. 551 с.
13. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. «Бег с препятствиями». Кому доступно качественное общее образование? // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 142–158.

14. *Латова Н. В., Латов Ю. В.* Методология институционального анализа социального неравенства в доступе к андрагогическому образованию // Terra Eсonomicus. 2010. Т. 8. № 3. С. 64–81.
15. *Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л., Ключарев Г. А., Тюрина И. О.* Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М.: Институт социологии РАН; Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
16. Экспертно-аналитический доклад «Демографические вызовы России». Центр стратегических разработок (ЦСР) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf> (дата обращения: 12.08.2019).
17. Экспертный доклад «12 решений для нового образования». Центр стратегических разработок (ЦСР) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/issledovaniya/ekspertnyj-doklad-12-reshenijdlyanovogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 12.08.2019).
18. *Ayalon H., Shapira R., Shavit R.* A second chance for higher education: Academic preparatory programs in Israel // Research in Higher Education. 1992. Vol. 33. P. 497–510.
19. Education at a Glance 2010: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/eag-2010-en>.
20. *Grummell B.* The «second chance» myth: Equality of opportunity in Irish adult education policie // British Journal of Educational Studies. 2007. Vol. 55. № 2. P. 182–201.
21. Highlights from Education at a glance 2008. Paris: OECD, 2009.
22. *Knapper, C., Cromptley A.* Lifelong learning and higher education (2nd edn.). London. Kogan page. 1991.
23. *McFadden M. G.* ‘Second chance’ education: Accessing opportunity or recycling disadvantage? // International Studies in Sociology of Education. 1996. Vol. 6. № 1. P. 87–111.
24. *Munns G., McFadden M.* First chance, second chance or last chance? Resistance and response to education // British Journal of Sociology of Education. 2000. Vol. 21. № 1. P. 59–75.
25. *Rinne R., Kivinen O.* Adult Education, the Second Chance: Fact and fiction // Scandinavian Journal of Educational Research. 1993. Vol. 37. № 2. P. 115–128.